

ИСТОРИОГРАФИЯ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПЕРСПЕКТИВЫ

*«Пропущенная глава».
Женское писательство в России XIX века:
российский опыт изучения.*

Евгения Строганова

Осмысление явлений любой авторефлексивной национальной культуры происходит изначально в рамках самой этой культуры. Что касается русской женской литературы, то, кажется, что в ее изучении западные исследователи проявляют в последнее время большую активность, чем отечественные¹. Современная феминистская критика создает много инновативных возможностей, предлагает новые методологические подходы, которые, к сожалению, еще в очень малой степени усвоены русской филологической наукой и с трудом стыкуются с отечественной «академической» традицией. Но в своем стремлении уследить за новейшими идеями феминистской и постфеминистской критики, не пропускаем ли мы тот необходимый этап в изучении женской литературы, который связан с собиранием сведений и фактов, систематизацией материала, составлением библиографий, словарей и т. п. Честь «открытия» русской женской литературы принадлежит все же не западной славистике, а отечественным ученым и критикам, которые уже в XIX в. заложили необходимый фундамент для современных изысканий.

Предлагаемые заметки - это попытка историографического обзора литературы о женском творчестве и русских писательницах XIX века, не претендующего на исчерпывающую полноту. Наша цель - воссоздать ретроспективу и высказать некоторые предположения о перспективах.

При ближайшем рассмотрении всего того, что было сделано в России XIX и XX вв. в области изучения женской литературы, становится совершенно очевидно, что в отношении к женскому творчеству, и по содержанию и по общему настроению, различаются два периода - до 1917 года и после, дающие основания для некоторых обобщений.

Интересующая нас литературная эпоха показывает, что изучение истории женского писательства в России происходило параллельно с процессом развития женской литературы, которая становится предметом внимания едва ли не с самых первых ее образцов. В первую очередь я имею в виду те попытки систематизации материала, которые встречаются в справочных изданиях с последней трети XVIII и на протяжении всего XIX в.

Еще в начале 1770-х гг. русский просветитель Н.И. Новиков составил «Опыт исторического словаря о российских писателях» - первый в России биографический справочник, в который он включил и статьи о писательницах². Новиков дает весьма благосклонные отзывы обо всех своих персонажах, и женские авторы в этом смысле не исключение. Каждая из упомянутых им писательниц удостоена весьма лестных слов, причем применительно к женскому письму Новиков предпочитает пользоваться такими характеристиками, как «чистота, приятность и нежность слога» (Н.И. Титова); «чистота слога, нежность и приятность изображения» (Е.С. Урусова); «стихи ее чисты, а слог приятен, нежен и тверд» (М.В. Храповицкая, в замужестве Сушкова); «слог ее чист, текущ, приятен и заключает в себе особливые красоты» (Е.В. Хераскова)³. Таким образом возникает некий позитивный стандарт женского письма - чистота, нежность, приятность слога, который ассоциируется с обликом приятной женщины.

В XIX в. некоторые библиографы вполне целенаправленно занимались сбором материалов, связанных с женским писательством. Следует упомянуть «Библиографический каталог российским писательницам» С.В. Руссова (1826), а также «Материалы для истории русских женщин-авторов» М.Н. Макарова (1830-1831). С 1860-х гг. работу по составлению специального словаря вел Н.Н. Голицын, многолетние усилия которого увенчались выходом в 1889 г. справочного издания «Библиографический словарь русских писательниц». Последовавший в 1891 г. отклик на это издание С.И. Пономарева свидетельствовал, что он также кропотливо собирал материалы для словаря русских писательниц⁴. Основной причиной такого интереса, вероятно, была позитивная динамика женского участия в литературном процессе. Кропотливо учитывал факты женского писательства и Д.Д. Языков, составитель «Обзора жизни и трудов покойных русских писателей» (1885-1916), причем показательно, что с 1910 г. название этого издания изменяется - «Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц». Наконец, нельзя не вспомнить о библиографической деятельности С.А. Венгерова - двух его капитальных изданиях: незавершенном «Критико-

биографическом словаре русских писателей и ученых» (1889-1904) и «Источниках словаря русских писателей» (1900-1917).

Составители словарей не всегда ограничивались только изложением фактов, но пытались определить характерные особенности женского письма и оценить его в связи с общими процессами литературного развития. Так, Макаров в статье о Н.А. Нееловой (Макаровой) пишет, что под влиянием «языка наших литераторок» (!) смягчался «жесткий слог тогдашней нашей прозы», которая «кажется, дожидалась только мастера - Карамзина»⁵. Это очень важное замечание, которое можно истолковать как признание того, что женская проза подготовила появление прозы Карамзина, а таким образом, и реформы, связанные с его деятельностью: сближение книжного языка с живой разговорной речью образованного общества, создание одного языка «для книг и для общества, чтобы писать, как говорят, и говорить, как пишут»⁶. Однако чтобы понять степень справедливости подобной трактовки, суждение Макарова следовало бы рассмотреть на конкретном и желательно обширном материале.

Создание специализированного словаря писательниц, своего рода сегрегацию женских авторов, можно воспринимать по-разному, но я думаю, что это не дискриминация, а скорее наглядная демонстрация женской креативности, по крайней мере, в ее внешнем, чисто количественном выражении. Пономарев даже подсчитал общий состав писательниц, заявивших о себе в разных сферах литературной деятельности, и развернул весьма впечатляющую картину женского присутствия в литературе второй половины XVIII-XIX вв. В конце XX в. опыт прежних справочных изданий был учтен составительницами англоязычного «Словаря русских писательниц»⁷. В России мы не имеем подобного современного издания. Пока даже не случилось повторить опыт немецких коллег, которые уже давно репринтно издали под одной обложкой словарь Голицына и пономаревские дополнения к нему⁸. Ситуацию несколько корректирует вышедший в последние годы биографический словарь русских писателей 1800—1917 гг.⁹ Но с учетом всего существующего опыта был бы весьма полезен словарь русских писательниц, охватывающий период со второй половины XVIII в. до 1917 г.

Еще одной формой осмысления женского творчества в XIX в. были обзорные, биографические и критические статьи о писательницах. Специальных обзорных статей встречается не так уж и много, но общие характеристики женской литературы оказывались необходимым контекстом в разговоре о творчестве той или иной писательницы (статья В.Г. Белинского о Е.А. Ган) или о проблемах женской креативности (очерк А.В. Зражевской «Зверинец»).

К числу ранних относится обзорная статья И.В. Киреевского «О русских писательницах» (1833), имеющая форму письма к писательнице А.П. Зонтаг и предназначенная для публикации в альманахе, затеянном Новороссийским женским обществом призрения бедных. Оба эти фактора как будто предподре-

деляли позитивные отзывы автора о женском творчестве. Киреевский намеренно пытается откорректировать ситуацию в отношении к русским писательницам, недостаточно оцененным, по его мнению, в критике, и высказывает много лестных слов и о творческих потенциях женщин в целом, и об отдельных авторах в частности (речь идет только о поэтессах, так как преимущественно в этом направлении развивалось женское творчество первых десятилетий XIX в.). Критик сочувственно отзываясь о таланте многих своих современниц, выражаясь при этом слогом «комплиментарно-мадригальным»¹⁰, который, вероятно, полагал наиболее уместным в разговоре о столь тонкой материи, как женское письмо. Однако Киреевского не приходится подозревать в неискренности, потому что он находит возможность, хотя и в деликатной форме, высказывать достаточно прямые суждения. Например, о стихах многосторонне одаренной Е.П. Кульман, умершей в юных годах, он пишет, что «в них еще больше труда, чем таланта, и слишком много учености»¹¹. Кроме того, и в более ранних его работах содержатся высокие характеристики отдельных писательниц. Уже в статье «Обозрение русской словесности 1829 года» Киреевский высоко оценивал произведения М.А. Лисицыной и в 1833 г. повторил свое мнение о том, что ее стихи выдают «истинный поэтический талант» и «имеют право на почетное место не в одной дамской литературе»¹².

Но более принципиальное влияние на восприятие женского письма имела статья Белинского о сочинениях Е.А. Ган, отзыв на посмертное издание сочинений писательницы (1843). Здесь дан достаточно обширный обзор фактов женского писательства, которое критик трактует со свойственной ему снисходительностью, а порой и с нескрываемым сарказмом. Особенно достается от него автору романов М.Е. Извековой, несколькими относительно добрыми словами удостаивает он некоторых поэтесс (З.А. Волконскую, М.А. Лисицыну, А.И. Готовцеву, Н.С. Теплову), и то, похоже, потому, что они имели некую устоявшуюся репутацию. О достоинствах же рецензируемых повестей Ган критик пишет, используя формулы уступительные: «Нельзя сказать, чтоб в повестях Зенеиды Р-вой русская повесть достигла талантом женщины своего полного развития, чтоб она стала выражением созревшей мысли и верно картиною современного общества; но в то же время нельзя не сказать, что ни одна из русских писательниц не обладала такою силою мысли, таким тактом действительности, таким замечательным талантом, как Зенеида Р-ва»¹³. О значении этой работы справедливо пишет И. Савкина: «Статья Белинского <... > не только задала парадигму отношения к женской литературе "разночинской критики", но и создала некоторые предубеждения, которые повторяются из статьи в статью вплоть до сегодняшнего дня...»¹⁴

В этой парадигме женское творчество оценивали и критики-женщины. М.К. Цебрикова в статье о русских писательницах рассматривает становление женской литературы с идеологических позиций, соотнося с развитием обществен-

ных идей, и, следуя Белинскому, утверждает «бедность» и «бессилие мысли» в женских текстах¹⁵. Главный критерий, используемый ею в оценке женских текстов - «пробуждение сознания»¹⁶, что также соответствует пафосу статьи Белинского¹⁷.

Отсутствием подобного идеологического крена отличается более ранняя обзорная работа Н.И. Билевича, охватывающая период до 1840-х гг. Рассматривая «дамскую» (как он называет ее без каких-либо негативных коннотаций) литературу в динамике, автор приходит к выводу о постепенном совершенствовании женского письма и заметном расцвете его в 1830-е гг. При этом Билевич делает следующее важное заключение: «Если русская женщина долго прислушивалась к литературе пушкинского периода - она, кажется, не только многое переняла, но многое, может быть, и пересоздала по-своему»¹⁸. Это замечание, подобно наблюдению Макарова, является попыткой нерелевантного обозначения женского вклада в развитие литературы и не получает дальнейшего развития ни в этой статье, ни в последующих работах.

Для изучения истории женского писательства важное значение имела деятельность, связанная с собиранием биографических материалов. Таковы публикации о Н.А. Дуровой, Е.А. Ган, М.С. Жуковой, Н.Д. Хвошинской и др.¹⁹, многие из которых до сих пор остаются уникальным источником сведений о писательницах. Поистине неоценимую в этом смысле работу вел С.А. Венгеров, собиравший писательские автобиографии (некоторые из них были напечатаны в серийном издании «Книга. Исследования и материалы»), благодаря чему сохранились и автобиографии ряда писательниц. Следует упомянуть также критико-биографические статьи Е.С. Некрасовой, посвященные Е.П. Ростопчиной, Е.П. Кульман, Е.А. Ган, А.Я. Марченко и Н.А. Дуровой²⁰. Откровенно тенденциозные в оценке творчества изучаемых авторов, они, тем не менее, являются первой попыткой монографических очерков женского творчества и ценны этим для современных исследователей²¹.

Как известно, уже в XIX в. были заложены основы монографического освещения истории литературы, причем авторами этих работ были и непосредственные участники литературного процесса. Репрезентация писательниц в таких исследованиях определялась позицией автора и его принадлежностью к определенным течениям общественной мысли. Так, А.М. Скабичевский, продолживший в своей истории русской литературы второй половины XIX в. традиции культурно-исторической школы, уделяет определенное внимание женским авторам²². Но литературу он оценивает с народнических позиций, поэтому, например, о Е. Тур отзывается как об «усердной поставщице великосветских романов». В целом же дает вполне традиционные, уже отработанные демократической критикой характеристики. В произведениях С.И. Смирновой его особенно привлекает «стремление не ограничиваться *одной узкой сферой любовных и семейных отношений*» (здесь и далее курсив мой. - Е.С.). Вполне

шаблонно автор характеризует и О.А. Шапир, которая «замыкается в <...> *маленькую сферу жизни*» и «имеет дело исключительно с вопросами сердечными и семейными». Особое внимание уделяется Н.Д. Хвощинской, «стоящей во главе писательниц своего времени». Но характерен упрек писательнице в «узости нравственного кругозора» за то, что она, «не останавливаясь на одном отрицании», «выводит ряд светлых явлений, положительных типов»²³. В книге Скабичевского предпринята попытка вписать женских авторов в историю литературы, однако в оценках неизменно присутствуют понятия «узость», «замкнутость» - как определяющие специфику женского письма.

К числу принципиально важных работ дореволюционного периода относится и неопубликованная монография А.И. Белецкого «Эпизод из истории русского романтизма. Русские писательницы 1830-1860-х гг.», хотя и завершенная в 1919 г., но задуманная ранее,- ценнейшее исследование, которое все еще ждет своего издания.

В целом можно говорить о том, что в смысле библиографической и биографической практики XIX век создал хорошую фактическую базу. Кроме того, уже тогда были отмечены наиболее значительные литературные явления и заявлены тенденции осмысления женского писательского опыта, правда, как мы уже говорили, позитивная тенденция фактически не получила развития.

Постреволюционная эпоха не отличалась интересом к творчеству писательниц прошлого. Вполне очевидно, что непредставленность женских авторов в литературном каноне, каким он оформился в XX в., явилась одним из следствий того, что после 1917 г. канон определялся политической ситуацией и социально-идеологическими факторами. Этот как будто вполне очевидный тезис все-таки требует обоснования. Для аргументации обращусь к двум авторитетным академическим изданиям советского времени - «Истории русского романа»²⁴ и «Истории русской поэзии»²⁵.

В «Истории русского романа» встречаются упоминания всего о восьми беллетристках: Е. Ган, А. Панаевой, М. Маркович, Е. Салиас де Турнемир, Н. Хвощинской, С. Хвощинской, С. Ковалевской и Н. Арнольди. Самое значительное место отведено последней из них, подробно излагается содержание изданного в 1879 г. в Женеве ее романа «Василиса». Это так называемый народнический роман, где рассказана история трагической любви дворянки к революционеру, превыше всего ценившему интересы дела. Показательна сама ситуация: в академическом исследовании истории русского романа основное внимание уделено писательнице, которая была автором единственного, запрещенного и хотя бы уже поэтому не слишком популярного и влиятельного в свое время произведения²⁶.

Что касается известных и вполне продуктивно работавших писательниц, то о них сказано лишь вскользь. Например, замечательно представлена Е.В. Салиас де Турнемир (Е. Тур), о которой упомянуто шесть раз. Но радость по

этому поводу преждевременна. Три раза имя Тур всплывает только потому, что Тургенев написал рецензию на ее роман «Племянница» и высказал мысли, дорогие для авторов монографии. Еще раз - в комментарии к цитате из «Былого и дум» А.И. Герцена, где она упомянута как «барышня», в которую «теоретически» был влюблен Н.И. Надеждин. И собственно о творчестве самой писательницы сказано лишь дважды. В одном случае ее героини в негативном смысле противопоставлены женским персонажам демократического писателя И.И. Панаева. В другом - она фигурирует в числе тех беллетристов, которые «апологетически описывали жизнь дворянских салонов и усадеб», и здесь им всем как позитивный образец противопоставлен сочувственно относившийся к народу Д.В. Григорович²⁷.

Но если «История русского романа» только обескураживает, то «История русской поэзии» повергает в полное недоумение. Например, здесь вообще отсутствует имя Ю.В. Жадовской. Е.П. Ростопчина упоминается только как адресат стихотворения Н.П. Огарева «Отступнице». На первый взгляд, как будто бы уделено определенное внимание К.К. Павловой, которая даже обозначена отдельной строкой в оглавлении. Но вот что пишет автор соответствующего раздела Л.М. Лотман: «...путь от поэтического и философского романтизма к психологическому реализму проделала и Павлова, творчество которой во многом близкое А. Григорьеву, с одной стороны, и А.К. Толстому - с другой, как бы составляет связующее звено между этими, столь разными поэтами»²⁸. Таким образом, хотела этого исследовательница или нет, но творчество поэтессы предстает заведомо обесцененным, не имеющим какого-либо самостоятельного значения. Зато в монографии не раз сочувственно упомянуты народнически ориентированные А.П. Барыкова, С.И. Бардина, В.Н. Фигнер и поэтессы, которых авторы монографии причисляют к реалистам, - Т.Л. Щепкина-Куперник и Г.А. Галина. История русской поэзии, по сути, строится как история гражданской поэзии, все остальные явления просто изымаются из научного оборота.

Добавим к этому, что в гораздо более поздней «Истории русской драматургии» не упомянуто ни одной женщины-драматурга²⁹. Вполне вероятно, что женские авторы не внесли существенного вклада в развитие драматургии, но таким образом создается представление, что их не было вовсе. Между тем С.И. Пономарев в своем обзоре называет целый ряд имен (А. Бецкая, Л.В. Гарелина, О.А. Голохвастова, И. Гусева, А.А. Зубова (Тальцева), М.Ф. Каменская, Одинская, Е. Пожарская)³⁰, а современные справочные издания позволяют дополнить этот список именами М.Б. Даргомьжской, А.А. Иноземцевой, М.А. Кирьяковой, И.Л. Ласкос, А.П. Львовой и др.

Не вполне типичной работой советского времени является корректная в гендерном смысле коллективная монография, посвященная русской повести XIX века³¹, где в ряде разделов писательницы рассматриваются как равноправные участницы литературного процесса. Однако в целом опыт 1920-1980-х гг. в

отношении к женской литературе XIX в. был скорее негативным и носил дискриминационный характер³².

В какой-то степени это корректируется эдиционной практикой: женские тексты, хотя и очень дозировано, но все-таки издавались, наиболее активно мемуары, но также поэтические и прозаические антологии и даже персональные сборники отдельных авторов, включая авторитетную серию «Библиотека поэта». С сожалением замечу, что за последующие два десятилетия картина мало изменилась и репертуар современного чтения практически не пополнился произведениями писательниц XIX в.

С конца 1960-х гг., на волне развития феминистских идей, в Европе и Америке активно обсуждается проблема женского присутствия в истории, в том числе и в истории литературы. С 1970-х гг. в западной славистике определилось заметное внимание к творчеству русских писательниц прошлого, которое в целом сохраняется и поныне, достаточно сказать, что современные попытки создания истории русской женской литературы принадлежат западным ученым³³.

Феминистская критика, показавшая значительность женского участия в литературе, привлекла внимание к целому ряду принципиальных проблем: механизмы формирования литературного канона, женская литературная традиция, женское письмо и женская эстетика, гендерная маркированность жанров, читательская адресация и читательская рецепция женских текстов и др. Этот опыт изучения женского писательства является плодотворной провокацией и стимулом для развития отечественной филологии. В настоящее время он важен для российских исследователей, прежде всего, в двух отношениях - в легитимизации внимания к женскому творчеству, а также в обращении к гендерной поэтике как новой сфере филологических исследований.

Российская литературоведческая наука не прошла стадии гиноцентризма, с чего, собственно, начинали наши зарубежные коллеги. В отечественном литературоведении не было периода сконцентрированности на женском писательстве, который необходим, если учесть, как долго замалчивалось женское творчество. Это не означает, что все непременно обязаны устремиться на новую неводеланную поляну, но те исследователи, которые чувствуют подобную склонность, не должны стыдиться ее. Любой «центризм», естественно, является перекосом, но в данном случае как не вспомнить Чернышевского с его теорией «перегиба палки». Чтобы восстановилось равновесие, надо гнуть и в противоположную сторону, что вовсе не предполагает искусственного захваливания писательниц. Речь идет о свободном от предубеждений изучении и осмыслении. Для этого нужно продолжать работу в двух уже обозначившихся направлениях - контекстуального и автономного изучения женского писательства.

Творчество женских авторов необходимо рассматривать в общем литературном контексте, в кругу произведений мужской литературы (невзирая на

то, что такой путь чреват диктатом канона) - это позволит понять, что же русские писательницы «переняли» и что они «пересоздали по-своему» (Н.И. Билевич). В отечественной науке до сих пор игнорируются социокультурные различия, связанные с представлениями о мужском/мужественном и женском/женственном. Гендерный подход к отдельным произведениям и литературному процессу в целом открывает новые грани в изучении истории литературы. Один из возможных путей осмысления женского вклада в развитие литературы связан с тем, что тексты XIX в. представляют устойчивый набор тем, мотивов, сюжетов, персонажей, вариативность которых определяется не только определенной литературной эпохой или особенностями индивидуальной авторской манеры, но и гендерными факторами. Поэтому последовательное изучение динамики тем, мотивов, отдельных типов в произведениях мужских и женских авторов может дать более отчетливое представление о развитии литературы и о роли писательниц в этом процессе³⁴.

Наряду с этим необходимо изучение собственно женской литературной истории. Отечественный опыт, как мы видели, в основном ограничивается статьями XIX в. Существование зарубежных вариантов истории русской женской литературы не исключает возможности новых попыток в этой области. Весьма своевременной представляется идея написания в качестве пробного образца учебника по истории женской литературы для вузов³⁵. Эта работа имеет особый смысл еще и потому, что естественно обращает к проблемам женской литературной традиции, фактически не поднятым на русском материале. В целом же дальнейшее изучение истории женской литературы может привести к корректировке канона, во всяком случае, позволит осознать реальное содержание литературного процесса и освободиться от многих стереотипов.

Неизбежные сложности методологического порядка неоднократно обсуждались феминистской критикой, тем более актуальны они, когда речь заходит о применении методологий феминистской критики к русскому материалу. Г. Зверева обозначает одну из главных причин того, почему в работах русских ученых, пытающихся применить гендерный подход к изучению отечественной литературы, можно наблюдать однообразие выводов при разнообразии материала. Она замечает, что следование матричным правилам и использование процедур чтения-письма, установленных парадигмой (в данном случае гендерной), приводит к возникновению феномена "герменевтического круга": язык анализа формирует дискурсивную реальность. Язык текстов оказывается подчиненным власти объективированной историко-литературной (интертекстуальной) реальности, которая выстроена с помощью феминистско-гендерных концептов³⁶. Однако правомерность методологической рефлексии все же не отменяет актуальности той работы, о которой идет речь. Продолжение ее необходимо, хотя бы уже потому, что она до настоящего времени не выполнена.

Насущной потребностью является популяризация женских писательских имен, прежде всего, переиздание текстов, которое должно носить целенаправленный и многосторонний характер. Однако необходима корректность в отношении к публикуемым авторам, от чего далека сегодняшняя коммерциализованная практика. Нередко, например, одни и те же произведения Л.А. Чарской всплывают под разными, кем-то неведомым придуманными названиями. Подобным образом в XIX в. поступали книгоиздатели-лубочники с текстами Гоголя, Пушкина и других авторов, но эти издания и имели соответствующую репутацию, чего не происходит в наше время.

Произведения женских авторов надо вводить в детское чтение. Детские писательницы XIX в. сейчас практически неизвестны, за немногими исключениями, как-то А.О. Ишимова или уже упомянутая Чарская. Но литература для детей в силу своего воспитательного характера традиционно имела репутацию легитимной для женщин, которые активно подтверждали это. Произведения многих детских писательниц XIX в. и сегодня могли бы оказаться вполне востребованными, как показывает опыт переиздания произведений К.В. Лукашевич и сборник, подготовленный Тверским Центром изучения и пропаганды женского творчества, в который вошли рассказы и сказки А.Г. Коваленской, С.И. Лаврентьевой, А.И. Макаровой и др.³⁷

Пришло время и для того, чтобы включить женских авторов в школьное преподавание. Пока такой опыт единичен и ограничивается хрестоматией для факультативных занятий по творчеству писательниц первой половины XIX в., где выбор текстов - произведения З.А. Волконской, Н.А. Дуровой, Е.А. Ган, Е.П. Ростопчиной, Е.В. Кологривовой - ориентирован на школьную программу и соотнесен с изучением творчества А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя³⁸. Для того чтобы помочь учителю в освоении новых литературных имен, в сборник включены критические и историко-литературные очерки и статьи, которые были написаны в разные годы и выражают не только индивидуальные мнения авторов, но и общие представления, свойственные той или иной исторической эпохе.

В заключение подчеркну, что современный исследователь вопроса о женском писательстве в России XIX в. располагает вполне приличной фактической и теоретической базой, заложенной на протяжении XIX-XX вв. работами российских и зарубежных исследователей, однако создание истории и историй русских писательниц XIX в. и решение связанных с этим проблем остается еще делом будущего.

---

¹ См., напр.: F. Gopfert, *Dichterinnen und Schriftstellerinnen in Russland von der Mitte des 18 bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts: Eine Problemskizze* (München: Verlag Otto Sagner, 1992); C. Kelly, *A History of Russian Women's Writing 1820-1992* (Oxford: Clarendon Press, 1994); T.W. Clyman & D. Greene, eds., *Women Writers in Russian*

Literature (Westport, Connecticut; London: Greenwood Press, 1994); R. Marsh, ed., *Women and Russian Culture: Projections and Self-perceptions* (N.Y., Oxford: Berghahn Books, 1998); A. Rosenholm, *Gendering Awakening: Femininity and the Russian Woman Question of the 1860s* (Helsinki: Kikumora Publications, 1999); C.D. Tomei, ed., *Russian Women Writers*, vol. 1, 2 (Garland Publishing, inc., 1999); A.M. Barker and J.M. Gheit, eds., *A History of Women's Writing in Russia* (Cambridge University Press, 2002) и др. Некоторые работы зарубежных славистов переведены на русский язык: Розенхольм А. «Пишу себя: Творчество и женщина-автор (на материале творчества Надежды Дмитриевны Хвоцинской)», *Современная философия*, №1, 1995; Шоре Э. «Елена Ган - русская Жорж Санд?», *Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования*, под ред. Э. Шоре и К. Хайдер, вып. 2 (М.: Изд. центр РГГУ, 2000); Шоре Э. «Желание любви и страстное стремление к искусству (Елена Ган и её повесть "Идеал")», *Филологические науки*, №3, 2000 и др.

- ² М.Н. Макаров, занимавшийся сбором материалов о русских писательницах, приводит слова Новикова, подтверждающие его сознательную установку на поощрение женского писательства: «Грамотная мать и в игрушку будет давать своему дитяти книгу, а таким образом и мы пойдем вперед с молоком, а не с сединами!..» (Макаров М. «Материалы для истории русских женщин-авторов», *Дамский журнал*, №10, 1830, с. 150).
- ³ Новиков Н. Смеющийся Демокрит (М.: Сов. Россия, 1985), с. 318-320.
- ⁴ Пономарев С.И. «Наши писательницы», *Сборник ОРЯС*, т. 52, №7, 1891.
- ⁵ Макаров М., там же, с. 150.
- ⁶ Цит. по: Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков (М.: Высшая школа, 1982), с. 197. Приведенные слова Карамзина явно отозвались в реплике Фамусова по поводу Чацкого: «...Что говорит! и говорит, как пишет!».
- ⁷ M. Ledkovsky, Ch. Rosenthal, M. Zirin, eds., *Dictionary of Russian Women Writers* (Westport, Connecticut; London: Greenwood Press, 1994).
- ⁸ Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц; Пономарев С.И. Наши писательницы (Leipzig: Zentralantiquariat der Deutschen Demokratischen Republik, 1974).
- ⁹ Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь, т. 1-4 (М.: Сов. энциклопедия, 1989-1999).
- ⁰ Савкина И. Провинциалки русской литературы (женская проза 30-40-х годов XIX века) (Wilhelmshorst: Verlag F.K. Gopfert, 1998), с. 27.
- ^и Киреевский И.В. Избранные статьи (М.: Современник, 1984), с. 104.

- ² Там же, с. 106.
- ³ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т., т. 7 (М.: Изд-во АН СССР, 1955), с. 657.
- ⁴ Савкина И. Провинциалки русской литературы, с. 43. Примером может служить статья И.С. Тургенева о романе Е. Тур «Племянница», в которой традиционно видят благожелательное отношение к женскому творчеству. Однако вряд ли об этом свидетельствует такой, например, пассаж, касающийся «избитости» используемых писательницей сравнений: «Подобных пятен много в романе г-жи Тур, и остается сожалеть, что опытная и дружеская рука не прошла по его страницам прежде, чем он явился в печати» (Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т., т. 5 (М., Л.: Наука, 1963), с. 386).
- ⁵ Цебрикова М. «Русские женщины-писательницы», *Неделя*, №13-14, 1876, стлб. 431.
- ⁶ Там же, №21-22, стлб. 702.
- ⁷ Несколько настораживает иногда степень осведомленности критика: например, имея в виду Е. А. Ган, писавшую под псевдонимом Зенеида Р-ва, она говорит о Зинаиде Р-вой, писавшей под псевдонимом Ган-Ган (Цебрикова М. «Русские женщины-писательницы», *Неделя*, №13-14, стлб. 436). Хотя не исключено, конечно, что подобные ляпсусы следует отнести на счет издателей.
- ⁸ Билевич Н. «Русские писательницы XIX века», *Московский городской листок*, №169, 1847, с. 677.
- ⁹ См., например: Блинов Н. «"Кавалерист-девица" и Дуровы: (Из Сарапульской хроники)», *Исторический вестник*, №2, 1888; Семевский В. «Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская (В. Крестовский - псевдоним)», *Русская мысль*, кн. X-XII, 1890; Чебышева-Дмитриева Е. «Ольга Андреевна Шапир. Ее жизнь и деятельность», *Вестник Европы*, №10, 1916; Коноплева М.С. «Мария Семеновна Жукова», *Голос минувшего*, №7, 1913; Фатов Н.Н. «Библиографические материалы для изучения жизни и творчества Е. А. Ган (Хронологическая канва и указатель литературы)», *Известия ОРЯС*, т. XIX, кн. 2, 1914 и др.
- ¹⁰ «Графиня Е.П. Ростопчина», *Вестник Европы*, №3, 1885; «Елизавета Кульман», *Исторический вестник*, №12, 1886; «Елена Андреевна Ган (Зенеида Р-ва)», *Русская старина*, №8, 1886; «Анастасия Яковлевна Марченко (Т.Ч. или А. Темризов)», *Киевская старина*, №11, 1889; «Надежда Андреевна Дурова (Псевдонимы: Девица-кавалерист, Александров)», *Исторический вестник*, №9, 1890.
- ¹¹ См.: Савкина И. «Кто и как пишет историю русской женской литературы», *Новое литературное обозрение*, №24, 1997, с. 370-371.

- ²² Скабичевский А.М. История новейшей литературы. 1848-1908 гг. (СПб.: Типография М.А. Александрова, 1909, изд. 7-е).
- ²³ Скабичевский А.М., там же, с. 16, 384, 385, 207, 210.
- ²⁴ История русского романа: В 2 т. (М.: Изд-во АН СССР, 1962, 1964).
- ²⁵ История русской поэзии: В 2 т. (Л.: Наука, 1968-1969).
- ²⁶ Роман Арнольди был замечен и современниками писательницы, один из которых - К.Ф. Головин - писал, что в этом романе тип радикала 1860-х гг. «в психологическом отношении обрисован полнее и талантливее, чем во всех прочих литературных произведениях той эпохи» (Головин К.Ф. Русский роман и русское общество (СПб., 1904, 2-е изд.), с. 244). Но основное внимание в своей работе тот же Головин уделял Н. Д. Хвощинской, что соответствовало реалиям литературного процесса.
- ²⁷ История русского романа, т. 1, с. 382, 443.
- ²⁸ История русской поэзии, т. 2, с. 164.
- ²⁹ История русской драматургии (Вторая половина XIX - начало XX в.) (Л.: Наука, 1987).
- ³⁰ Пономарев С., там же, с. 4.
- ³¹ Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра, под ред. Б.С. Мейлаха (Л.: Наука, 1973).
- ³² Назовем еще некоторые исследования, в которых привлекалось внимание к творчеству русских писательниц: Белецкий А.И. «Тургенев и русские писательницы 30-60-х гг.», *Творческий путь Тургенева*, под ред. Н.Л. Бродского (Пг.: изд-во «Сеятель», 1923); Файнштейн М.Ш. Писательницы пушкинской поры. Историко-литературные очерки (Л.: Наука, 1989); Вацуру В.Э. «Жизнь и поэзия Надежды Тепловой», *Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология*, ежегодник 1989 (М.: Наука, 1990); и др.
- ³³ См. сноску 1.
- ³⁴ Опыт подобного рода работы представляет коллективное исследование, в котором предложена гендерная интерпретация текстов русских авторов XIX в. Распространенные темы и мотивы русской литературы (самоубийство, неравный брак, женское любовное соперничество, возрождение падшей женщины и др.) рассматриваются здесь с точки зрения их гендерной составляющей. Выявляемые в ряде случаев общие и частные различия наглядно демонстрируют специфику мужского и женского письма. (Русская литература XIX века в гендерном измерении, под ред. Е. Стро-

гановой (Тверь: Лилия Принт, 2004). Исследование подготовлено Центром изучения и пропаганды женского творчества.)

- ³⁵ Одной из попыток написать «главу» истории русской женской литературы можно считать монографию: Савкина И. Провинциалки русской литературы (женская проза 30-40-х годов XIX века), серия *FrauenLiteraturGeschichte: Texte und Materialien zur russischenFrauenliteratur*(VerlagF.K. Gopfert, Wilhelmshorst, 1998).
- ³⁶ Зверева Г. «"Чужое, свое, другое...": феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России», *Адам&Ева*, альманах гендерной истории, вып. 2, под ред. Л.П. Репиной (М.: ИВИ РАН, 2002), с. 267.
- ³⁷ Лукашевич К. Ясное Солнышко и другие рассказы и повести (М.: Русский Хронограф, 2004); Задушевное слово. Произведения русских писательниц второй половины XIX - начала XX века, под ред. Е.Н. Строгановой (Тверь: Лилия Принт, 2004).
- ³⁸ Русские писательницы первой половины XIX века. Пособие для факультативных занятий по литературе в 10 классе, под ред. Е.Н. Строгановой (Тверь: Золотая буква, 2004). Хрестоматия подготовлена Центром изучения и пропаганды женского творчества.